

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.1
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-170-211>
<https://elibrary.ru/WCGQPO>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Иван Шмелев и журнал «Русское богатство»

© 2026, А.В. Геворкян, М.В. Строганов

Институт мировой литературы

им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье реконструируются взаимоотношения Ивана Шмелева с В.Г. Короленко и журналом «Русское богатство»: от довольно прохладного восприятия редакцией литературного таланта писателя до положительных оценок его произведений и публикации произведений Шмелева на страницах журнала в 1910-е гг. Рецепция его творчества отразилась в переписке Короленко с А.Г. Горнфельдом и письмах членов редакции и сотрудников «Русского богатства» (С.П. Подъячев, А.В. Пешехонов, Ф.Д. Крюков, А.Б. Дерман и др.), остававшихся до сих пор в архивах. Подробно освещается история публикации в журнале рассказа «Под небом». Впервые в сокращении или в полном объеме публикуется важные тексты из эпистолярного наследия Шмелева: его письма к Короленко, Горнфельду, Дерману. Преклонение Шмелева перед нравственной личностью Короленко претерпевает значительные изменения в годы эмиграции, эта идейная трансформация раскрываются на примере анализа произведений творчества писателя за рубежом.

Ключевые слова: В.Г. Короленко, Ив. Шмелев, С.П. Подъячев, А.В. Пешехонов, А.Б. Дерман, «Русское богатство», литературная репутация.

Информация об авторах: Армен Варужанович Геворкян — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2658-4580>

E-mail: armenvar@mail.ru

Михаил Викторович Строганов — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7618-7436>

E-mail: mvstroganov@gmail.com

Для цитирования: *Геворкян А.В., Строганов М.В.* Иван Шмелев и журнал «Русское богатство» // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 170–211. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-170-211>

Жизнь и творчество И.С. Шмелева в доэмигрантский период изучены достаточно основательно [16]. Однако некоторые страницы этого периода не привлекали внимание исследователей, скорее всего потому, что сам Шмелев или не вспоминал о них, или вспоминал в той форме, которая более соответствовала его эмигрантским настроениям. К этим непрочитанным страницам относится и история отношений Шмелева с журналом «Русское богатство», весьма авторитетным практически для всех писателей, которые начинали свой творческий путь в 1890–1910-е гг. Эти отношения были не столь длительными, как у других авторов, и за отсутствием многих документов их достаточно сложно реконструировать. Но сложность решения задачи делает ее только интереснее.

Короленко стоит у Шмелева в ряду ключевых фигур русской литературы, духовное подвижничество которых переплетается с общественной деятельностью:

От духовных стихов, народных, от пушкинского «Пророка» — <...> от гоголевских провидений судеб России, от некрасовского «Власа», богоборцев, провальников и голубиных душ Достоевского — до его каторжан из «Мертвого дома», до судорожных исканий Правды Толстым, до мягких образов русских у Короленки, до баб немых у костра, внешней студеной ночью, у Чехова, и всюду, в чистой литературе нашей, все — действительно сильное и глубокое — пронизано лаской, светом, стоит на Христе — на Правде Божией. Это — цветы, набравшие силу от корней родины. Так слагалось все лучшее, что жило в душе России. Или эти цветы померзли, перестали благоухать? В душу свою глядите — узнаете. (Христос воскрес) [22, т. 7 (доп.), с. 337–338].

Мы помним русских девушек и студентов на эпидемиях в «голодные годы». Помним и писателей, — Толстого, Короленко, Чехова, своим примером будивших общественную совесть. Откуда это? От нашей «тревожной совести», покорной велению Высокой Правды. (Творчество А.П. Чехова) [22, т. 7 (доп.), с. 545].

Шмелев, родившийся в 1873 г., не избежал всеобщего почтения к авторитету «Русского богатства», но в силу возраста пережил это увлечение только внешне, о чем писал И.А. Ильину 29 марта 1947 г.:

Я всегда б<ыл> оч<ень> впечатлителен. Оч<ень> жалостлив к «малым сим» — и как не стал «социалистом», не знаю. Оч<ень> сочув<ствовал> партии Нар<одной> Воли. Любил — рано — Гл. Усп<енского>, Златовр<атского> — знакомого много находил. Ну, а потом, как вкусил... постеп<енно>, не счит<ая> «приключ<ений>», — Мельн<икова>-Печерского, Загоскина... — Пушкина... медленно *брал*. Его!.. Толст<ого> (Дост<оевского> — позже!). Люб<ил> Короленко, о-чень Чехова... Но читал-то *все* [5, т. 3, с. 109].

Когда у Шмелева возникала необходимость воскресить социальную атмосферу своего детства и молодости, он обращался не столько к собственным воспоминаниям, сколько к авторам «Русского богатства». Характерно признание в письме И.А. Ильину 24 января 1947 г., что он «эти дни читал “Ист<орию> моего современника”, Кор<олен>ко, — нужно для воздуха, 70–80 гг. — может пригод<ить>ся> для “Путей”»¹ [5, т. 3, с. 17].

Главным приемом нашей реконструкции отношений Шмелева с «Русским богатством» будет, таким образом, сопоставление его воспоминаний с документами, современными описываемым событиям. При этом следует учитывать, что эти воспоминания Шмелева не всегда предназначались к публикации, но всегда были разбросаны отдельными вкраплениями по письмам и мемуарным очеркам. С одной стороны, в них не было заданности конструкции, и поэтому они кажутся более достоверными, чем написанные с ориентацией на публикацию. С другой стороны, они в меньшей степени подлежали или поддавались верификации, и потому адресат принимал их на веру, а исследователь обнаруживает в них подчас гораздо большее искажение реальных событий.

1

Вспоминая в 1934 г. цензурную и читательскую историю своей книги «На скалах Валаама. Путевые очерки (с рисунками)» (М.: Тип. Е. Гербек, 1897), Шмелев писал в очерке «Первая книга»:

¹ Речь идет о работе Шмелева над вторым томом романа «Пути небесные», который из-за смерти писателя остался незавершенным. Первый том вышел в свет в 1935–1936, второй — 1944–1947 в издательстве «Возрождение».

Книга вышла, израненная, в пластырях, — февраль, 1897 г. «Была в глаз». «Сам Гольцев» написал о ней страницу в «Русской мысли»². «Русское богатство» — тоже благоприятный отзыв: понравилось про «общину» и про «народ». «Новое слово» — красная рубашка, рождавшийся марксизм — разделало: слог бойкий, но о чем: о затхлой жизни, об «изжитых предрассудках», «эксплоатация труда религией»³. Книга продавалась. — «Плоховато, 247 всего! — морщится К-н, — зарезала цензура». Я вспомнил князя: «снимут сливки». Не знаю. Так и тащилась: 248, 260, 293. Через год, К-н: — «только занимает место, лучше забирайте, раз недовольны... не пошла». Продав букинисту за гроши. После мы с ней встречались — на Сухаревке, в Нижнем, в Твери, в Архангельске... предлагали переиздать. Не согласился: ошибка юности [22, т. 6 (доп.), с. 270].

Однако в «Русском богатстве» рецензии на книгу «На скалах Валаама» нет. В это время журнал еще не замечает Шмелева ни как литературное, ни как общественно значимое явление. Шмелев присылал свои произведения в «Русское богатство» в 1903 и 1906 гг. (мы еще к этому вернемся), но Короленко своей волей отклонял их, не считая нужным даже советоваться с коллегами по редакции, настолько ему все было ясно и понятно.

Впервые имя Шмелева возникает в переписке членов редакции «Русского богатства» не по поводу его собственных произведений,

² См. рецензию на книгу в рубрике «Путешествия, география» библиографического отдела: [Б. п.] «На скалах Валаама». Ивана Шмелева // Русская мысль. 1897. № 2. С. 73–74 (3-я пагинация).

³ Упомянутые выражения и оценки в очерке и рецензии отсутствуют. Анонимный рецензент так отзывался о книге: «Если вы, читатель, ездили на Валаам, то не читайте этой книги, так как ровно ничего не найдете в ней для себя нового. Если же не ездили, то... тоже не читайте, ибо вы все равно не будете иметь настоящего понятия и представления о Валааме». Писательскую манеру Шмелева рецензент находит описательной, поверхностной, банальной и дешевой: «Автор все время прыгает и скачет от одного предмета к другому. Где что услышит, то и запишет. Точно башкирские певцы: “Вода видим — поем, лошадам видим — поем”. В общем получается нечто беспорядочное, аляповатое и разбросанное. <...> И все это написано тем бойким и так называемым в обиходе легким языком, в котором не встретите ни одного оригинального образа, ни одного меткого слова. Так плохие провинциальные журналисты уверенно и развязно пописывают “путевые картинки”. <...> В плохих газетах, как известно, стиль заменяется пошибом. “На скалах Валаама” именно написаны в газетном пошибе». Тем не менее рецензент все же находит некоторые достоинства: «Собственно говоря, об этой книжке не стоило бы и говорить, если бы автор не был так молод. (Два-три раза он упоминает о том, что он студент). Но одной молодости тоже было бы недостаточно, если бы у автора не проскальзывало кое-где некоторой наблюдательности, впечатлительности и искренности. С этими достоинствами, правда, далеко не глубокими, он все же мог бы гораздо лучше описать свою поездку на Валаам, если бы отнесся к этому подобросовестней, и повнимательнее, и повдумчивее. Словами “тапорча”, “в ем”, “вилсапитет” — вместо велосипед и проч. в этом роде нельзя рисовать жанровые картинки, равно как нельзя рисовать картин природы словами: “Прелестно”, “дивно”, “обворожительно”, “поэтично” и т. д. Пусть уж это сам читатель скажет, прочитав описание» (Новое слово. 1897. Кн. 6. 2-я пагинация. С. 62–63).

а в связи с повестью «Забытые», которую прислал в редакцию С.П. Подъячев. Относительно этой повести П.Ф. Якубович писал В.Г. Короленко 20 августа 1908 г.:

С длиннотами и нецензурностями справиться бы легко (не жалеть чернил и крестов!), но главная беда — большое сходство рассказа (особенно конца) с рассказом Шмелева «Гражданин Уклеikin», напечатанном недавно в «Русской мысли» (кажется, май-июнь)⁴. Основные фигуры — Уклеикина и Ивана Захарыча — почти тождественны, и мотив — впечатление, произведенное нашими тремя Думами на простых обывателей — мещан, мастеровых, сапожников, столяров и пр. — и там, и здесь один и тот же. Удобно ли это?

Первая половина шмелевского рассказа — лучше подъячевского, вторая — совсем плоха. В общем Подъячев лучше, хотя сравнительно с другими его рассказами этот, пожалуй, слабее. Сократить надо очень много (особенно критику Думы).

Словом, не знаю, как быть. Так как печатать пришлось бы, вероятно, не скоро (может быть, весной или даже летом будущего года), то, может быть, сходство с «Уклеikinым» и не столь великая беда?

Прочтите и выскажитесь принципиально. Сократить и отделать возьмусь и я, если у Вас не будет охоты⁵.

И вот из письма в письмо Якубович продолжает напоминать Короленко о необходимости сравнить повесть Подъячева с повестью Шмелева, однако Короленко все время отмалчивается по этому вопросу. Якубович — Короленко 19 августа:

Еще будет переслан Вам конторой Подъячев, над которым я сильно призадумался. Хорошо, если бы Вы могли достать 5–6 (кажется) № «Русской мысли» и прочесть там «Гражданина Уклеикина», рассказ некоего Шмелева⁶.

Якубович — Короленко 6 сентября:

«Разлад» Подъячева, насколько мне известно, — все единогласно не одобряют. На днях было письмо от Сем<ена> Павл<овича> — спрашивает о судьбе «Забытых». Я уже сообщал Вам свое мнение:

⁴ Шмелев Ив. Гражданин Уклеikin: Повесть // Русская мысль. 1908. № 5. С. 1–47; № 6. С. 1–42.

⁵ РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 37. Ед. хр. 2. Л. 28.

⁶ Там же. Л. 29.

страшно напоминает «Гражданина» Уклейкина» Шмелева и очень растянуто, но есть и хорошие места⁷.

Якубович — Короленко 11 сентября 1908 г.:

На запрос Подъячева о судьбе его «Забытых» я откровенно написал ему о своих сомнениях по поводу совпадения темы с рассказом Шмелева и о том, что решить вопрос должны Вы.

Пересылаю Вам его ответ на это письмо⁸.

Однако Короленко не писал в ответ по этому поводу ни слова, и в результате Якубович стал предполагать, как можно понимать из приводимого ниже письма к Подъячеву, что дома у Короленко не было этого журнала. Вот как Якубович писал Подъячеву 11 сентября 1908 г.:

Ничего пока не могу Вам сказать о судьбе «Забытых». Тороплю Вл<адимира> Г<алактионовича> с ответом, но он, вероятно, захочет раньше достать и прочесть «Русск<ую> мысль». Вы совершенно напрасно его боитесь: мягкий он, добрый и совершенно простой человек (может быть, по виду только немножко чересчур величавый, но это уж от Бога!), хотя, разумеется, интересы журнала он ставит прежде всего, и если найдет, что Шмелев, действительно, предвосхитил Ваш рассказ, то... последний напечатать откажется... при всей своей доброте. Ничего с этим не поделаешь!⁹

Между тем Короленко, конечно, прочитал рассказ Шмелева. Но, прочитав этот рассказ, он и принялся редактировать повесть Подъячева как уже принятую, поскольку всегда серьезно редактировал тексты Подъячева, а в данном случае хотел развести «Забытых» с «Гражданином Уклейкиным». Но сообщать об этом он не считал нужным, и пребывавший в неведении Якубович вновь напоминал Короленко 23 октября 1908 г.:

Насчет «Забытых» Подъячева... Не знаю, как Вы сократили их, — боюсь, что 1/5 выбросить — это очень м<ало>, так как на меня рассказ этот произвел впечатление невозможно тягучей вещи, причем 3/4 рукописи — все, так сказать, одна прелюдия и лишь 1/4 —

⁷ Там же. Л. 38.

⁸ Там же. Л. 43.

⁹ РГАЛИ. Ф. 374. Оп. 1. Ед. хр. 367. Л. 5.

самый рассказ. Вот этот-то последний (волнения по поводу Думы) и является как бы сколком с рассказа Шмелева в «Русской мысли» «Гражданин Уклеикин». И там — замечательно похожий на Ивана Захарыча — пьяница-сапожник, та же Дума, те же увлечения ею и те же разговоры...

Во всяком случае, о приеме «Забытых» надо говорить лишь по прочтении рассказа Шмелева¹⁰.

И о том же Якубович писал и самому Подъячеву 11 ноября 1908 г.:

...что касается «Забытых», то вопрос об этой вещи все еще не решен. Вл. Гал. только на днях прочтет «Гражданина Уклеикина» Шмелева, а наш третий редактор беллетристического отдела прочтет Вашу повесть. Тогда и вырешим. В самой повести, к сожалению, как я уже писал Вам, — при Ваших обычных достоинствах, — есть крупный, чисто внешний недостаток: $\frac{3}{4}$ рассказа посвящено только «подступу» (повествованию о прошлом) и лишь $\frac{1}{4}$ — делу (настоящему). И это-то дело, увы, и совпадает по содержанию с «Уклеикиным»... Забегать, впрочем, вперед не буду. У меня у самого окончат<ельного> мнения еще не составилось, и я хочу только предупредить Вас не возлагать чересчур больших надежд на успех «Забытых». Не обвиняйте и редакцию в излишней медленности. Сотрудников-беллетристов словно прорвало за последние годы: так и несет, так и несет их... «произведениями»! Читать рукописи еле успеваешь! Редакторам просто дохнуло некогда!..¹¹

Мы еще прочитаем письмо Короленко к Шмелеву от 20 мая 1909 г., в котором он писал: «печатных Ваших работ я не читал». Однако странно было бы предположить, что, живя в Полтаве, Короленко не получал там журнал «Русская мысль», тем более после столь настойчивых напоминаний Якубовича и тем более потому, что в этом журнале до начала работы в «Русском богатстве» Короленко сам систематически сотрудничал, а с редактором его В.А. Гольцевым был до 1895 г. в коротких приятельских отношениях¹². Скорее всего, Короленко написал так Шмелеву, чтобы не высказывать свое отношение к его сочинениям, которое, как мы еще увидим, было достаточно критическим. В итоге после всех исправлений Короленко

¹⁰ РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 37. Ед. хр. 2. Л. 33.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 374. Оп. 1. Ед. хр. 367. Л. 7.

¹² О разрыве Короленко с «Русской мыслью» см.: [6, с. 163–165, 167, 176–177, 441].

повесть Подъячева «Забытые» была опубликована в «Русском богатстве» в 1909 г.¹³ А сам Подъячев вспоминал об этой истории так:

Помню, по поводу написанной мною повести «Забытые» (между прочим, одна из любимейших моих вещей) вышло недоразумение с редакцией журнала «Русское богатство», куда она была послана. В редакции нашли, что повесть и герой ее Захар Даенкин напоминают героя Уклейкина в рассказе Шмелева, чем редакция была удивлена и написала мне об этом. Письмо прислал Якубович-Мельшин. Я ответил, что тоже, со своей стороны, удивлен таким случайным сходством, ибо рассказа Шмелева не читал. Тем это дело и кончилось. А что за рассказ такой Шмелева, я и по сие время не знаю [15, с. 269].

Судя по всей этой переписке, получается, что Шмелев просто не нравился (не был нужен, не подходил) Короленко, а Подъячев был для него писателем любимым и своим. Подъячев был хорош уже потому, что Короленко мог править его совершенно невозбранно и делать из его текстов то, что было нужно журналу и что отвечало представлениям самого Короленко. В «Забытых» есть фрагмент, который, несомненно, принадлежит Короленко: «Соловейчик получил “в рыло” такого рáза, который английские боксеры называют “суингом”»¹⁴. Совершенно очевидно, что таких «мелочей» в тексте было немало. И совершенно очевидно, что такие «мелочи» принципиально изменяли всю перспективу восприятия изображаемых событий. То, что Подъячев видел исключительно с внутренней точки зрения, Короленко с помощью таких «мелочей» показывал с внешней позиции и в большей исторической перспективе.

2

На следующий год после переписки о «Забытых» Подъячева Шмелев, который ничего не знал о всей этой истории, прислал в «Русское богатство» рассказ «Под небом». И 20 мая 1909 г. по поводу данного рассказа Короленко писал Шмелеву:

М<илостивый> г<осударь> Иван Сергеевич.

Если не ошибаюсь, Вы присылали уже рассказы в 1903 и 1906 году в «Р<усское> бог<атство>» (печатных Ваших работ я

¹³ Подъячев С. Забытые // Русское богатство. 1909. № 6. С. 1–30; № 7. С. 58–92.

¹⁴ Там же. № 6. С. 10.

не читал). С этих пор (если верно, что Ив. Шмелев, автор очерков «Чужой» и «Иван Кузьмич» — Вы) — в работе Вашей заметен очень большой прогресс: в очерке «Под небом» стиль свежий, не перешедший в модернистскую манерность, и в описаниях есть чутье природы. Есть два недостатка: растянутость. Детали Ваши часто красивы, но излишнее нагромождение красивых деталей — некрасиво и расхолаживает впечатление. Фигура «Дроби» недурна только до его рассказа. Весь рассказ о легенде «Провала», помимо того, что растянут, — еще сильно безвкусен, потому что все время отзывается подделкой под былины, подделкой порой в деталях опять красиво, но красивые места явно отзываются манерой автора, а былинный стиль с нею не вяжется. Кроме того — эта былинность и импровизация совершенно не вяжутся с фигурой Дроби, простой и реальной. Как ни напрягай воображение, — не представить себе, как он переходит к этой рубленной прозе нарасспев — нельзя. Затем не былинно и не народно то, что история так сложна: былина всегда (по содержанию) проста и сжата. В былине ли, в сказке ли известное начало (зло, добро) олицетворяется в одной фигуре, действие тоже сосредоточено и едино. Вам понадобились и старуха, и старик. Старуха заступается за людей, старик и за людей, и за старуху, Действие проходит через массу эпизодов. Самое смешение *былинного* стиля с *сказочным* содержанием — опять безвкусно. И это, к сожалению, портит очень хорошую рамку, в которую Вы вставили это стилизованное ядро. Если бы Вы заставили Дробь (или Дробя? — не совсем удобная кличка) — то же самое рассказать простым языком, в котором лучше, проще, правдоподобнее высказывается вера — индивидуальная, личная, а не отлившаяся в изысканно-стильные формы — рассказ мог бы выйти красивее и интереснее. Теперь, на мой взгляд, он испорчен. Разумеется, я легко могу ошибаться.

С уважением

Вл. Короленко.

Р. S. Если бы Вы согласились с этими замечаниями и захотели переделать середину, — я бы охотно прочел еще раз. Что касается размера гонорара, то он у нас определяется редакционным комитетом. Средний гонорар — ниже 150 рублей [7, т. 3, с. 192–193].

Если верить этому письму, то получается, что произведения Шмелева, которые были опубликованы в периодике, Короленко не читал, хотя печатался Шмелев с 1895 г. Но мы уже знаем, что повесть «Господин Уклеikin» Короленко должен был помнить хотя бы по названию. А присланные в 1903 и 1906 гг. в редакцию

«Русского богатства» рукописи Шмелева Короленко отверг с такими отзывами: «Чужой» — «Литературно, но как-то случайно и малохарактерно»; «Иван Кузьмич» — «Слащаво и фальшиво» [7, т. 3, с. 193]. Между тем эти произведения были приняты другими издателями¹⁵, и в таком случае более чем странно, почему Короленко не обратил внимание на них.

Между тем другие члены редакции журнала относились в это время к Шмелеву гораздо серьезнее. Якубович писал Короленко 13 января 1907 г. о редакционных делах:

Рассказ «Солдаты» Вы, конечно, вернете — и, как теперь сам я думаю, поделом. Ничтожная вещь. Желательно только, чтобы рукопись поскорей прислали... На Шмелева я больше возлагаю надежд¹⁶.

Однако эти надежды Якубовича не оправдались, и рассказ Шмелева (видимо, «По спешному делу») появился не в «Русском богатстве», а (как и некоторые другие его произведения) в менее переборчивой и прихотливой «Русской мысли»¹⁷.

Сам Шмелев излагал творческую историю рассказа «Под небом» в письме к О.А. Бредиус-Субботиной от 18 августа 1943 г. следующим образом:

А «стилизация»... — я раз написал рассказ «Под небом», он в той книге, которую отказался взять этот деревянный голландец, — и там привел рассказ охотника — на трясинах — легенду, вот с приблизительно таким напевом, как ты даешь... и почувствовал, что — *нельзя*, режет... а — увлекся, как ты! — и — переработал, дал естественный пересказ, и куда лучше вышло. Рассказ был напечатан в «Русском богатстве» Короленко, нравился. Но лучшее в нем — не эта легенда. А в общем он мог бы быть и не написан, как многое мое [4, с. 208].

Если судить по этому письму, вся творческая история рассказа «Под небом» была очень легкой, а переработка ее была вызвана внутренней потребностью самого автора. Между тем, как мы

¹⁵ Шмелев Иван. В новую жизнь: Повесть // Юная Россия. 1907. № 6. С. 703–725; № 7. С. 847–862; № 8. С. 952–969; № 9. С. 1049–1063; № 10. С. 1177–1192; № 11. С. 1372–1390; № 12. С. 1525–1540 (вероятно, повесть «Чужой» в переработанном виде); Шмелев Иван. Иван Кузьмич // Трудовой путь. 1907. № 12. С. 9–32.

¹⁶ РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 37. Ед. хр. 1. Л. 21.

¹⁷ Шмелев Иван. По спешному делу: Очерк // Русская мысль. 1907. № 6. С. 139–153. См. также: Шмелев Иван. Вахмистр: Рассказ; Жулик: Очерк // Русская мысль. 1906. № 12. С. 1–29.

уже видели, ситуация была гораздо более сложной и длительной, и Шмелев переработал рассказ вовсе не по своей инициативе. Как и предыдущие произведения, рассказ этот не очень понравился Короленко, и хотя он и не отказал в публикации, но возвратил Шмелеву 20 мая 1909 г. рукопись на доработку со своими замечаниями, пообещав вновь перечитать ее. Шмелев отвечал Короленко письмом от 27 мая 1909 г.:

Глубокоуважаемый Владимир Галактионович.

Очень и очень обязан Вам за указания на недостатки моей работы. Не стыдно получить резонный совет, а от Вас получить я считаю за счастье. И если бы Вы знали, как я рад и как благодарю.

Да, я проглядел огромный промах. Теперь он ясен мне как день, и я удивляюсь, как раньше не видел я того, на что указали Вы в первую голову.

Нет, пожалуй, что и видел, да как-то всё отмахивался и успокаивал себя. Уж очень увлекся стилизацией, оправдывал себя, что эта искусственность вознаграждается красочностью и загипнотизирует. Но Вас-то, конечно, художника слова и лучшего стилиста (простите), она не могла загипнотизировать. Вместо красочности получился диссонанс.

Вышло как-то само собой, и слово взяло надо мной верх. А всё же я мучился и всё же поддался соблазну.

Я воспользовался Вашими указаниями и Вашим любезным согласием еще раз прочесть работу мою и посылаю. Я выкинул былинную речь, заставил Дробь передать сказку-легенду так, как, по моему разумению, он мог бы ее передать. Я упростил содержание сказки. Быть может, она вышла не так ярка, но проще она вышла и ближе к народному складу.

Может быть, и в новой редакции Вы усмотрите промахи — но меня все же ободряет Ваше доброе слово. И я благодарен Вам за это слово. Мнение Ваше о свежести стиля, о некоторой красочности, о чутье природы — награда для меня. Да и слова такого нет, чем бы я мог высказать радость свою.

Ваше слово да еще мнение о некоторых моих работах М.Н. Альбова, с которым я встретился случайно, — вот всё, что имею я, что меня ободряет. Писал я и пишу, как душа говорит, и счастлив я, что не нашли Вы в моей работе манерности (стиля).

Позвольте еще раз поблагодарить Вас и выразить искреннейшее и горячее чувство уважения к Вам.

Ив. Шмелев.

Я беру смелость послать Вам одну из повестей, печатавшихся в «Русской мысли» — «Распад»¹⁸. Не посетуйте на меня и не вините в назойливости.

И. Ш.¹⁹

В фонде Шмелева сохранился черновой автограф письма, который в сетевой публикации ошибочно датирован 1917 г. Сам этот черновик свидетельствует о серьезности, с которой Шмелев относился к своей переписке с Короленко. Кроме того, некоторые детали этого черновика очень важны, поэтому мы приведем его:

Очень и очень обязан Вам за указания Ваши на недостатки моей работы. Не стыдно получать резонные советы, а от Вас получить я считаю за счастье. И если бы Вы знали, как я рад и благодарю. Да, я проглядел, проглядел огромный промах. Теперь-то он ясен мне как день, и я удивляюсь, как я раньше не видел того, на что указали Вы в первую голову.

И не недостатком чутья упростил содержание сказки. М. б., она вышла не так ясна, но, думается, проще она вышла и ближе к народному складу, к народн<ому> духу. Быть мож<ет>, Вы найдете и в новой редакции промахи.

Благодарю, благодарю Вас за доброе слово. Ваше мнение о свежести стиля, о однообр<азной> красочности, о чуткости к природе — это слово Ваше огромного стилиста и художника для меня очень, очень дорого. Да и слова такого нет, котор<ым> бы я мог высказать и радость, и благодарность свою. Один я иду в своей работе и не знаю, куда иду²⁰.

Короленко отвечал 4 июня 1909 г. (сохранился только фрагмент в копировальной книге):

...По существу имею сделать маленькое (или не маленькое) возражение. «Правда» героя Дроби (или Дробя?) очень уж наивна, и принижать интеллиг<ентский> скептицизм перед *такой* детской сказочкой положительно не стоит. Это настроение очень распространено, но все вы, господа, забываете при этом, что *истина* есть

¹⁸ Шмелев Ив. Распад: Из воспоминаний приятеля // Русская мысль. 1907. № 8. С. 31–63; № 9. С. 110–155.

¹⁹ РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 36. Ед. хр. 40. Л. 1–2. Фрагментарно: [4, с. 193–194].

²⁰ РГБ. Ф. 387. Карт. 9. Ед. хр. 16. Впервые: Творчество Ивана Сергеевича Шмелева. Эпистолярное наследие. URL: <https://shmelev.petsru.ru/site/epistolary-heritage-view?id=8> (дата обращения: 17.01.2026).

тоже один из атрибутов божественного, и если пригибать ее перед каждым верованием, то... правильно ли это?

Впрочем, это уже из другой области.

Всего хорошего.

Вл. Короленко [7, т. 3, с. 194].

Как сообщали публикаторы этого письма, на копии находилась помета Короленко: «Из письма к Шмелеву. Развить». Значит, Короленко сделал эту копию в расчете на то, чтобы использовать данный текст или его идеи в своей дальнейшей работе. Полемика Короленко с Шмелевым получала, таким образом, для него принципиальное значение. И это принципиальное значение усиливалось тем, что в ответ на это второе критическое письмо Короленко Шмелев отвечал 11 июня 1909 г., отстаивая свою позицию со ссылками на произведения самого своего оппонента:

Глубокоуважаемый Владимир Галактионович.

Благодарю Вас за внимание к моей работе. Пойдет ли она в Вашем журнале, куда я давно-давно стремился, то ободряя себя, то падая духом, — или не пойдет, — я все же чувствую себя бодрым, встретив в первом письме Ваши указания на некоторые положительные стороны моей работы, положительные со стороны, главным образом, внешней, со стороны формы.

В письме от 4-го июня Вы были любезны высказать несколько слов по существу рассказа, и я не могу не привести несколько слов в оправдание данных мною в рассказе положений в защиту основной мысли, как я ее понимаю. Вы-то, конечно, признаете побудительные к этому причины вполне естественными, так как знаете отлично, как дороги автору, какой бы величины по дарованию ни был он, бродившие в нем мысли и переживания, которые томили его и которые он пытался вылить в соответствующую им форму.

Вы пишете, что «правда» Дроби «очень уж наивна, и принимать интеллигентский скептицизм перед *такой* детской сказочкой положительно не стоит».

Да, «правда» его наивна, детски неуклюжа, и все же, кажется мне, она огромна в ядре своем и абсолютна настолько, что к духу правды этой идут пути всех *людей*, — идут и чистые сердцем простые люди, тянутся, как ростки к свету, и умы, и все усилия поколений. Правда истины, справедливости, лучших уделов. Бродит протест в глубинах духа человеческого, то инстинктивный, то сознательный, вооруженный орудием острого и деятельного ума, волею планомер-

ной и непреклонной, протест против хаотической неправды жизни. Какой же это непреложный закон, чтобы на долю огромной массы человечества выпадали только страдания, только слезы, только слепые и не слепые удары жизни. Да ведь солнце на небе всем светит, и дождит всем, и ветер бьет всем в лица, и все люди, и все с равным правом пришли в мир. И все внутри себя чувствуют ничем не подавляемое стремление к лучшей доле, к справедливой доле. А перед глазами — жизнь, полная неправды и тяготы. Каждый родился, как говорили Вы в своем рассказе «Сон Макара», — «с ясными, открытыми очами, в которых отражались земля и небо...», — а на самом деле перед глазами масс — жизнь их, полная тягот, когда даже нет времени взглянуть на небо. Так разве справедливо это, и «правда» ли это? Даже бедный якут понял, что это — не правда. <...> Ведь в этом хаосе проклятий, кровоточивости, лохмотьев и голода, унижений и беспомощного писка, торжествующего рыканья хулиганов человеческого общества, пляски на трупах — должна же таиться искра смысла, правды, то, что может облегчить страдания, тот отдаленный огонек, который дает силы и надежды на близкую пристань.

Быть может, этой искорки и нет, но вырвать из душ сознание, что нет правды, никто и ничто не во власти. Это искание правды красной чертой проходит через всю нашу русскую жизнь, через все творчество народное, — выражение стремлений и духа Руси черной. Она звучит в песнях, она и в сказках, и былинах, в легендах, и в думках, и в пословицах. Она в молитвах и душах. Она, как сердце, бьется в душах, как несознанное, но чуждое и желанное. Она так ярко проходит грустной мелодией в Вашем «Сне Макара», в импровизации Слепого музыканта, кроется под художественным и тихим юмором в «Йом-Кипуре», в этюде «Огоньки», в раскольнике, который стуком в дверь камеры протестует против неправды <герой рассказа Короленко «Яшка»>. Она разлита, эта «правда», во всех творениях Ваших, во всей лучшей нашей литературе.

Я не символист и предумышленно не стараюсь прибегать к этой глубочайшей форме творчества, но, возможно, кое-что символистическое найдется в рассказе. Я дал картину прохода по топиям к светлым водам. <...> Я хотел показать тоску духа по правде и силу, бродящую в простых душах. И не хотел я принижать скептицизм, и еще меньше думал указать на дряблость носителей этого скептицизма. <...>

Простите за это длинное, и, пожалуй, сумбурное письмо²¹.

²¹ РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 36. Ед. хр. 40. Л. 3–6. Цитировалось в: [17, с. 83–84, 93].

Шмелев, как видим, очень высоко почитал Короленко и ориентировался в своем творчестве на его произведения. И именно поэтому, с удивлением встретив в письме Короленко высказывания, которые, как ему кажется, прямо противоречат его же собственным художественным образам, Шмелев пользуется этим случаем и решительно направляет против Короленко его собственное оружие. Понятно, что Подъячеву ни такая позиция, ни такая стратегия поведения и в голову не могли войти. Однако Короленко не любил вступать в полемику, и если чувствовал, что оппонент не соглашается с ним, он предпочитал повернуть разговор на совершенно иные рельсы. Шмелев учел замечания Короленко, и даже если его правка не вполне устроила редактора, последний должен был признать это. Шмелев не был обязан думать буквально так, как думал Короленко, но писатель Короленко обязан был понимать это и учитывать в своей редакторской практике. Однако несогласие Шмелева и по-своему убедительная аргументация его позиции вызвали в Короленко еще большее раздражение, и он попытался избавиться от самостоятельного автора иным путем. И при этом — не своими руками. Короленко писал А.Г. Горнфельду 17 июня 1909 г.:

Шмелев — не совсем начинающий. В «Русской мысли» был напечатан его «Распад». Присылая мне свой рассказ, он в письме обозначил цифру гонорара 150 р<ублей>. Так как середина была совсем плоха (еще длиннее и былинным размером), то я вернул рукопись и в письме прибавил, что у нас средняя цена ниже им назначенной. Он ответил, что совершенно соглашается с моими замечаниями и опять прислал рукопись. Если еще не ответили, то обозначьте и цифру гонорара (думаю, 100 р<ублей>). По-моему, — редакц<ионные> сокращения все же необходимы [14, с. 31].

Это письмо очень важно по целому ряду причин. Во-первых, оно показывает, что Короленко прочитал рассказ «Распад», которое Шмелев послал ему в письме от 27 мая (видимо, отдельный оттиск из «Русской мысли»). Значит, он хотел основательнее познакомиться с произведениями Шмелева, чтобы оценить его как потенциального участника на будущее. Во-вторых, Короленко пытается спровоцировать несимпатичного автора самого уйти из журнала, определив ему гонорар по стандартной в журнале ставке. Все это с трудом вписывается в стереотипное представление о Короленко, но эти факты следует учесть в наших дальнейших построениях.

Горнфельд понял письмо согласно прямому смыслу слов: рассказ принят, вопрос в гонораре. Он, правда, вернул рукопись Короленко, но сделал это, как следует понимать, потому, что тот сам неясно изложил свои желания. И тогда Короленко вновь вернулся к рассказу «Под небом» в письме к Горнфельду от 17 июля 1909 г.:

Дорогой Аркадий Георгиевич.

У нас с Вами вышло маленькое недоразумение: рукопись Шмелева «Под небом» у меня уже была, но ее середина сказка была изложена в былинном стиле до такой степени безвкусно, что я вернул ее автору не колеблясь, хотя и признал, что рамка для этой аляповатости сделана недурно (недурны описания природы и отчасти фигура рассказчика). Он переделал. Так как мне трудно было отрешиться от первого впечатления, то я его просил послать Вам. Теперь Вы опять послали мне без решительного ответа, хотя и с «благоприятным» колебанием. Я немного подождал и прочел вновь. И решил — вернуть. Описания хороши, но в общем приторно и фальшиво. Из простой сказки, которую и в народе рассказывают, чтобы отвести душу, с полувздохом, полуулыбкой, автор тщится сделать откровение и вздыхает: ах, отчего мы, интеллигенты, не можем верить, как «Дробь», что добрый старичок мановением палочки, обратил мужичков в лебедей, которые пока что клюют себе на островах калинку... По вторичном прочтении, не колеблясь, возвращаю. (Вы ведь за нее не стоите, а сомневаетесь?) [14, с. 31–32]

Здесь уже появляются прямые и резкие оценки: «до такой степени безвкусно», «рамка для этой аляповатости», которые Короленко повторяет и в письме к Горнфельду от 19 июля 1909 г. Он старательно пытается настроить Горнфельда на свой лад:

Вчера я послал Вам письмо на редакцию, которое Вам и пришлют через несколько дней. И вчера же получил Вашу открытку из Балаклавы. С рукописями — какое-то недоразумение. Шмелев мне свое «Под небом» прислал раньше, и я рукопись вернул, т<ак> как середина была изложена в каком-то распевном былинном стиле, аляповато и безвкусно. Он исправил и прислал опять. Я отослал ее Вам, т<ак> как мне трудно было отрешиться от первого неблагоприятного впечатления. Потом от Вас получил с нерешительным заключением. Прочитал еще раз и, сказать правду, пришел к заключению решительно неблагоприятному. Недурны описания, кое-где даже, пожалуй, были бы хороши, если бы не некоторая

изысканность и щеголяние. Но в центре опять слащаво-народническая «сказка», которой автор придает значение «веры». Сказка не выдержана: слишком детальны описания природы, слишком путанная фабула, а когда автор подымает ее на степень какой-то «обновляющей» веры и скорбит об интеллигенции, которая никак не может поверить в «правду», превратившую бедных мужичков в птиц, — то, на мой взгляд, это выходит неумно. При втором прочтении мое впечатление определилось в неблагоприятном смысле и, если еще автору не написано, то я предпочел бы вернуть, о чем автору напишу сам. Что Вы думаете? Будете ли за нее стоять? [14, с. 33–34]

И об этом же — в письме к М.П. Сажину от 8 августа 1909 г.:

Ни от Вас, ни от Горнфельда всё не получаю ответа о статье Шмелева. Вопрос стоит так: статья Шмелева (№ 9468) была на прочтении у Горнфельда. Потом прислана мне. Горнфельд пишет, что просил Вас известить автора, что рукопись его принята. Вы пишете, что статья послана мне (что и верно) и Вы ждете от меня ответа. Я желаю знать, *написано ли автору, что рукопись принята, или нет?* Мне это нужно знать потому, что я бы склонялся скорее к отрицательному ответу. Но если уже автор извещен о приеме, то, конечно, делать нечего.²²

Однако Горнфельд колебался, как мы понимаем, в положительную сторону. К тому же в пользу принятия рассказа Шмелева высказался и Якубович, хотя и не сразу и с некоторыми колебаниями. Он писал 31 августа 1909 г. Короленко:

О Шмелеве высказаться труднее. У меня не совсем то впечатление, что у Вас: я не вижу, чтобы автор жалел об интеллигенции, о том, что она не верит в народные сказки. Вторая половина рассказа показалась мне красивой и прямо хорошей; из-за нее жаль мне вернуть этот рассказ... Но первая половина, наоборот, написана вяло, скучно, совсем плохо... В душе Дробы (кстати, какое неудачное прозвище!) на глазах читателя происходит перелом, — очень бледно и слабо; дед Софрон тоже неживой и ненужный старикашка (что-то вроде Серафима Саровского)... То ли бы дело — представить Дробь сразу уже в готовом виде, каким он в конце является, — и он был

²² РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 8. Ед. хр. 31. Л. 16.

бы живее, и рассказ сократился бы и выиграл... Сказка, по существу, не лишняя, но напутано в ней оч^{<ень>} много лишнего: чудес, чудес — на возу не увезешь! Ждешь, ждешь развязки — не дождешься! А можно бы все короче и проще. Напишу я разве в этом смысле Шмелеву?²³

О результатах этой переписки Якубович сообщал Короленко 21 сентября 1909 г. (ответное письмо Шмелева погибло, как можно полагать, со всем Якубовичевым архивом):

Шмелеву я написал; в ответ он прислал мне очень трогательное письмо, в котором наотрез отказывался делать в рассказе еще раз какие-либо существенные переделки. Приходилось одно из двух: или вернуть рукопись, или принять в том виде, как есть. Вернуть мне стало жалко, и я принял²⁴.

В редакторской книге Короленко по поводу этого рассказа Шмелева сделано несколько помет. В мае 1909 г.: «Возвр^{<ащено>} с письмом автору». Затем: «Вторично отослано с письмом 4.VI.09». Далее следует помета «Принято» с подробной аннотацией:

Автор сделал большие успехи: слог свежий, не перешедший еще в модернистскую манерность, описания живы. Растянута и очень безвкусное сочетание: некто «Дробь», поэт в душе, рассказывает предание о «Провале» — длинное, рубленой прозой, местами красиво, но сочетание чуть-чуть не модернизма с подделкой под былинку — сочетание совершенно безвкусно.

А позднее на полях Короленко приписывает: «Потом выработался в заметного писателя»²⁵.

Итак, Шмелев принял предложение редакции о гонораре в 100 рублей за печатный лист [10, с. 456], и рассказ был опубликован²⁶. Но Короленко, смирившись с решением своих коллег (двое против одного), так и не принял Шмелева, и уже после публикации рассказа писал 16 апреля 1910 г. Горнфельду:

²³ РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 37. Ед. хр. 3. Л. 19–20.

²⁴ РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 37. Ед. хр. 3. Л. 21.

²⁵ РГБ. Ф. 135. Разд. 1. Карт. 22. Ед. хр. 1332. Л. 107 об.

²⁶ Шмелев Иван. Под небом // Русское богатство. 1910. № 3. С. 13–49.

Шмелев и в печати меня в восторг не приводит. Недурная рамка вокруг наивно-слабенькой народнической картинки. «Мужички ягодки на озере клюют...» Теперь это только считается уже не народническим, а мистическим... Впрочем, — и я тут грешен [14, с. 43].

Короленко признает, что Шмелев «выработался в заметного писателя». Но это был не его писатель. Между тем сам Шмелев, искренне доверившись прямому смыслу писем Короленко, воспринимал ситуацию совершенно иначе. В письме от 7 января 1910 г. он рекомендовал себя Горькому следующим образом:

Я не имею широкой известности. Не надеюсь, что делаю попытку удачно. Я только горячо прошу Вас прочтите посылаемую работу «Под горами», уделите внимание. <...> Я почти новый человек в литературе. Работаю 4 года и стою одиноко, вне литературной среды. У меня никого кругом нет. <...> Я печатался с 1906 г. в «Русской мысли», печатался в «Журнале для всех». Недавно Короленко отнесся тепло к моей новой работе <...>. И все же я сомневался в себе. <...> Ваше слово мне услышать бы, Ваше. Вы искренни, я слышал и верю. Да, Вы искренни и чутки. <...> А так хочется говорить, и мучиться, когда говоришь. <...> Прочтите. <...> Если найдете возможным, примите для Сборника. Скажите короткое слово [13, с. 238].

3

В 1912 г. в «Русском богатстве» появилась неподписанная рецензия А.Г. Горнфельда на второй сборник рассказов Шмелева, которая начиналась так:

Одобренный успехом «Человека из ресторана», г. Шмелев выступил со вторым сборником своих рассказов — и, кажется, сделал это напрасно. Не потому, чтобы рассказы, собранные во втором томе произведений г. Шмелева, были совсем плохи, но потому, что, когда писатель начинает выдвигаться в общем внимании, ему нет нужды как раз в это время напоминать о старых своих произведениях, которые ему на это особое внимание права не давали. Среди рассказов сборника есть недурные, есть неудачные, но, кажется, и те и другие с одинаковой отчетливостью рисуют довольно существенный недостаток литературной физиономии г. Шмелева: ее отсутствие. Хороши или плохи рассказы г. Шмелева, худо то, что плохие из них мог написать Баранцевич, хорошие — Куприн, а на долю собственно

Шмелева ничего бы не осталось; впрочем, нет: Куприн или Сергеев-Ценский запечатлели бы свой рассказ своей индивидуальностью: у г. Шмелева этого не видно, а ведь только это важно.

А заканчивалась рецензия следующими словами:

Не сумеет он, кажется, сообщить что-нибудь существенное также о жизни интеллигентов, которая как будто так же ему чужда, как жизнь ялтинских проводников. Совершенно иные результаты выносит г. Шмелев из наблюдений над русскими низами. Здесь он может видеть и обобщать, здесь он набирается сил, здесь меняется его язык, приобретая звонкость и выразительность подлинной народной речи. Конечно, дать стиль «Человеку из ресторана» ему удалось не вполне: ему помешало первоначальное задание. Выдержать лакейскую манеру рассказа можно на протяжении получаса, то есть печатного листа; заполняя целую книгу, этот стиль надоедлив, манерен и скоро перестает быть убедительным, особенно для человека, уже утомленного сентиментальной тенденциозностью автора. Но за натянутостью стиля и назойливостью благих намерений все-таки раскрывается психология, и личная, и классовая, виден человек в типе, и виден тип в человеке. Еще лучше мелкие народные рассказы г. Шмелева, из которых в лежащий пред нами сборник вошли «Под небом» и «На том берегу». Непритязательно и в старой манере, но как сочно, как чувствуется острое зрение и напряженное чутье народного настроения. Здесь, кажется нам, область, в которой может развернуться дарование г. Шмелева; а романтических проводников, блазированных земских начальников и уездных дам из «высших натур» ему лучше не касаться и в дальнейшем не напоминать читателям о своих первых мало удачных опытах в этих сферах²⁷.

Основная мысль Горнфельда состоит в том, что Шмелев должен оставить экзотические темы и «жизнь интеллигентов» и писать «народные рассказы», в качестве образца которых он называет «Под небом». Короленко, как мы только что видели, не принимал этот рассказ, Горнфельд искренне приветствует его: «ясен, прост и правдив»²⁸. И если Короленко предварительно не читал эту рецензию, то теперь он вынужден был внимательно ознакомиться с ней и узнать истинное мнение Горнфельда.

²⁷ Б. п. <Горнфельд А.Г.> Ив. Шмелев. Рассказы. Том второй. Издательское Т-во писателей. СПб., 1912 // Русское богатство. 1912. № 3. С. 118, 119–120.

²⁸ Там же. С. 119.

Шмелев не знал, кто был автором этой рецензии, но взволнованное письмо по ее поводу написал в редакцию на имя Короленко 21 марта 1912 г.:

Глубокоуважаемый Владимир Галактионович.

<...> Одно меня ободряет, что затрагиваемый мною вопрос принадлежит к области литературной и важен для всякого автора, какой бы величины он ни был.

И не потому пишу Вам, что Вы имеете самое близкое отношение к «Русскому богатству» (вопрос связан с «Р<усским> б<огатством>»), а потому главным образом, что Вы тот единственный авторитет, к которому я иду смело и прямо за мнением, с мнением которого я считаюсь безусловно.

Я позволяю себе поставить вопрос о характере — форме и содержании — так называемых «отзывов о книгах», заметок критико-библиографических. Вот в мартовской кн<ижке> «Р<усского> б<огатства>» дан отзыв о П<и>-й кн<иге> моих рассказов. Я не стану скрывать, что этот отзыв затронул меня, и больно затронул: он-то и заставил меня обратиться к Вам с этим письмом. Но возбужденный в первую голову этим лично меня как автора касающимся отзывом, я, откидывая понятную страстность и личную возбудимость, вижу возможность поставить принципиальный вопрос и просить руководящего мнения.

Вот вопрос этот. — Во-1-х, допустимо ли в печати, в беглой, скользящей заметке о книге, — допустимо ли читать у автора в душе, высказывать категорически о том, что руководило автором, раз он выпустил свою книгу? А это как раз сделано по отношению ко мне. <...> Было больно. Ведь это то же, что сказать: «Поглядите-ка, как ему духу-то придало с успеха “Челов<ека> из рестор<ана>”». Какого успеха! Скажу, что больно мне было от этого вступления, вступления с оттенком полушутки-полуусмешки. Тем более что читатели «Р<усского> б<огатства>» могли и не знать моего «Человека», а потому и слово «успех», сказанное о произведении, которое не нашло себе внимания журнала, могло бы быть смело поставлено в кавычки. <...>

Теперь — другой вопрос. Допустимо ли, давая отзыв о книге, кто бы ни был автором ее, ограничиваться общими фразами, которые, ничего в сущности не называя и не доказывая, создают около книги и для книги (особенно напечатанные в таком влиятельном и чистом журнале, как «Р<усское> б<огатство>») атмосферу сомнительную и тягостную и тем более тягостную, что угрозы эти — *печатать*,

то, к чему пока еще относятся с полным доверием, русская печать в русском лучшем журнале. Тем более тягостную, что против часто голословных замечаний автор лишен возможности возражать, что он безоружен, что он работал и страдал, да, страдал, а критик легко кинул слово-другое, отшвырнул книгу и занялся другой²⁹.

И Короленко отвечал на это письмо, но предварительно запросил помощи у Горнфельда, а тот в письме до 19 июня 1912 г. выдал ему богатый материал для возражений, который сам он не использовал в своей рецензии:

Думаю, что в письме к Шмелеву надо установить:

1. что никакого «чтения в сердцах» в рецензии нет. Безобидное предположение о мотивах («ободренный успехом “Человека из ресторана”», Шмелев издал второй том), нет ни намека на то, что принято у нас называть «чтением в сердцах».

2. г. Шмелев называет рецензию «беглой и поверхностной»; это его право, но она не более бегла и поверхностна, чем его рассказы; она коротка, но приводит доказательства и покоится на полном знакомстве со 2 томом рассказов Шмелева.

3. г. Шмелев спрашивает: знает ли автор быт крымских татар? На этот счет можно его успокоить: автор рецензии вырос в Крыму и значительную часть своего детства провел в татарской деревне. И рассказы г. Шмелева о татарах ему кажутся романом американца из жизни русских крестьян.

«— Ну скажи словечко...

— Не умею я... Почему ты так говоришь?..

Она спрашивает, почему он так говорит. *Пусть спросит у горлинок, зачем вырывает свои старые перышки и правит носиком яркие.* Почему так томно и нежно выводит свое замирающее “тур-уррр”... И у игривой кукушки, хихикающей по лесам и зовущей. Пусть у соловья спрашивает, забывающего весь мир в трелях, и поймет резкие, как труба, серебряные зовы самцов оленей. И у румяной зари спросит, играющей с вечером за горами в небе.

Не скажут.

— Тихая моя, кудрявая овечка...»

О подчеркнутых словах г. Шмелев говорит: «*Мои* слова о горлинке автор приписывает девушке. Так ведь это *мои* мысли». Это

²⁹ РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 36. Ед. хр. 40. Л. 7–9.

очевидная неправда. Автор рецензии приписал эти слова татарину (не девушке), ибо это *очевидно его* мысли, а не мысли г. Шмелева.

Кроме того, таким языком татарин не говорит, хотя бы он знал Коран. Это русский интеллигентский язык (цикадочка)!

«Строго предписано... принятия мер... 30 самоваров, 4 овцы и... для покрытия недобора... на торги»...

«Явите Божескую милость. Што мы не люди, ваше благородие, мы все готовы и даже в Японской компании имею Святой Георгий, но отказано в выдаче семенов и никакого усмотрения нужды, а напротив, старшина грозил со стражником узять силой. Проникните нужду. Вы как начальник»... Одно и то же, одно и то же... «Проникните нужду»...

...«В моих разъяснениях от 20 ноября п<рошлого> г<ода> за № 12477 и от 7 марта с<его> г<ода> за № 2358 на циркуляр... за № 27399 было преподано Вам, милостивый государь, планомерное и соображенное со всеми прежними распоряжениями направление совместных действий в целях своевременного <в оригинале: современного> поступления отсроченных, рассроченных и пересроченных недоимок. Не усматривая в ваших донесениях от... поставить на вид... слабое поступление...»

Такие письма и бумаги получает герой повести г. Шмелева «В норе», уездный чиновник, должности которого автор не называет. Не был ли прав автор рецензии, усмотрев в этом чиновнике земского начальника? И прав ли г. Шмелев, утверждая, что у него нет никаких земских начальников и обвиняя на этом основании автора рецензии в поверхностном знакомстве с его книгой?³⁰

Короленко учел все эти примеры и соображения Горнфельда в своем ответе Шмелеву от 19 июня 1912 г.:

Многоуважаемый Иван Сергеевич

Мы уже с Вами переписывались. Если не ошибаюсь, «Под небом» был Ваш первый рассказ, напечатанный в журнале, и именно у нас. Помню также, что, наряду с достоинствами этого рассказа, мне лично пришлось отметить и крупные недостатки (напр<имер>, смешение былинного стиля и модернизма), с чем Вы согласились (и переделали). Позвольте же мне и теперь поговорить с Вами откровенно.

Право, Вы, господа молодые писатели, слишком обидчивы.

³⁰ РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 21. Ед. хр. 38. Л. 1–3.

Вот и Вас наша рецензия уже задела, и Вы оскорблены. Чем? Чтение в сердцах? Где оно? «Ободренный успехом первой книги»... Ну, подумайте, Иван Сергеевич, хладнокровно, много ли нужно потратить проникательности на расшифрование сердечных иероглифов, чтобы сказать, что молодой писатель ободрен хорошим приемом его первой книги и что это может служить стимулом для выпуска второй? А ведь «чтение в сердцах» термин жестокий, с которым обращаться следует осторожно, не кидая его так легко.

Вы сомневаетесь в законности самого рода критической литературы, называемой рецензиями. Напрасно. Этот подвижной род, так сказать, легкая критическая кавалерия, — оказывает огромную услугу авторам и читателю. Подумайте сами, что было бы, если бы были допустимы только: или критический трактат, или... молчание о новой книге. На трактат — кто еще и когда соберется, а в десятках рецензий читатель уже встречает живой разговор о новом явлении. Нужно, конечно, чтобы это была все-таки критика. Чтобы читатель, встречая не математическое доказательство, а именно отзыв, впечатление, мнение, кидаемое под живым ощущением прочитанного, имел основание доверять его искренности и основательности, т. е. чтобы летучее мнение было дано человеком сведущим, образованным, знакомым с литературой. Это уже дело журнала и доверия к нему.

Вы вот находите, что наш рецензент не знает крымской жизни и судит, значит, о предмете ему неизвестном. Положим, что когда идет речь о художественном произведении, то для суждения о нем нет надобности в знании описываемой местности (если критика не касается вопросов специально бытовых или этнографических). Но и тут Вы ошибаетесь: он рос в Крыму и знает его не хуже, если не лучше Вас (ведь Вы были там только наездом).

Не стану опровергать Вас и защищать своего товарища (которого очень уважаю) по пунктам. Это потребовало бы именно трактата. Скажу лишь, что и я (да наверно и всякий читатель) считал, что у Вас выведен именно земский начальник, судя по его функциям (сбор недоимок, «совместные действия в целях поступления рассроченных, просроченных и т. д. платежей»). Оказывается — податной инспектор. И это Вы считаете критическим грехом? В каком же смысле это важно?

«Горлинка»... Вы приписываете эти слова автору (себе), а не девушке. Но рецензент приписал их не девушке, а татарину и имел на это право. По ходу изложения — это мысли героя, а не автора. Не согласитесь ли Вы, что в таких случаях словесные краски должны быть взяты из тех, которые психологически присущи описываемому лицу. Иначе это выйдет если не прямая фальшь, то некоторая безвкусица (правда, часто встречаемая в литературе). Коран, простите, тоже

помогает очень мало. Наши школьники тоже изучают Священное Писание, а семинаристам оно известно получше, чем Коран заурядному татарину. Из этого, однако, не следует, что любовное объяснение семинариста с епархиалкой нужно для колорита обставить оборотами и образами Песни песней. Право, это всегда более индивидуально. Молодой индус не станет при этом вспоминать о ведах, еврей не потревожит Соломона, а мусульманин Корана.

Постарайтесь не сердиться на все, что я Вам говорю так откровенно, но у Вас и теперь попадаетесь порой безвкусица, и ее-то отметил рецензент. Поверьте: никто не хотел сделать неприятности, никто не проявляет к Вам пристрастия. Да и почему бы? Мы только держимся в отзывах «среднего регистра», не примыкая к экспансивностям противоположного характера. Теперь повелось уж как-то так, что критика по отношению к замеченным уже авторам считает нужным какой-то дифирамбический тон, сплошные похвалы и превознесения. А потом наступает другая крайность. Право, гораздо честнее то, что делает наш рецензент: отмечать и то, что хорошо, и то, что считает слабым. Только это, в сущности, истинно доброжелательно. В этом полезное предостережение: дорожите своим дарованием, не поддавайтесь соблазнам успеха и — берегитесь безвкусицы. Этих черточек теперь не замечают, потом заметят и не простят.

Не думайте, что это я говорю о себе. Нет, рецензию писал не я, а один из моих товарищей, которого я очень уважаю. Но и я сказал бы Вам: Иван Сергеевич. Только года три назад Вы еще признали, что в «Под небом» допустили безвкусицу. Считаете ли Вы себя теперь настолько гарантированным от таких промахов, что всякое указание на них является в Ваших глазах результатом невежества или пристрастия?

Жму вашу руку и прошу Вас поверить, что и я лично, и мои товарищи по «Русскому бог<атству>» и даже критик, написавший рецензию, — относимся к Вам доброжелательно. Поверьте, что это так.

Вл. Короленко [7, с. 208–209].

Шмелев отвечал на это письмо Короленко 5 июля 1912 г.:

Ваше письмо я получил и благодарю. Благодарю за внимание, благодарю и за простоту, благодушие ответа. Теперь, спустя два месяца, я вспоминаю, чувствую, что, должно быть, слишком неровно, опрометчиво, быть может, высказался я в письме к Вам. Теперь, быть может и даже наверное, я не написал бы так. Болен я был тогда, душевно разбит.

Вы благодушно указали мне, можно даже сказать, слегка высекали, но и после этого Вашего доброго ответа я все еще чувствую, что и я был не совсем неправ. Что сделаешь с нутром? Скажу только, что никаким успехом ободрен не был, от самомнения далек, в страхе и сомнениях пребываю, мучаюсь, колеблюсь и потому боюсь писать. Не только не далек от самокритики, но всем существом в ней и парализован. Вот почему и до сего дня чувствую боль, что могли подумать, что выпустил книгу, ободренный успехом (не первой книги, которая и успеха-то не имела) «Человека из ресторана».

Только и могу сказать. Вот еще что скажу. Никого я не хотел обидеть, а забила в сердце боль, ну и высказался. Мне было бы больно, если бы Вы могли подумать, что во мне возмущены были какие-либо мелочные чувствованьица, что в упоении самомнением пришел с упреками к Вам, которого высоко почитаю. Простите, что своими прыгающими строками отрываю от большой работы Вас, неустанного и светлого борца за близкие и святые для меня идеалы. Простите, что, быть может, доставил Вам неприятность письмом своим. Поверьте, Владимир Галактионович, что всем сердцем, всем существом тянусь к тому, что Вам и Вашему журналу близко и дорого.

Прошло время, и я досажую — зачем писал. Что делать. Жалею, что писал. Бывают такие положения, выяснять которые лучше в личной беседе. А письмом не только не выяснишь, а еще более запутаешь.

Примите уверение в глубочайшем моем уважении к Вам.

Ив. Шмелев³¹.

На этом письме Короленко сделал надпись: «Отвечено 31.X.12». Однако само письмо неизвестно. А 14 июля 1912 г. Короленко написал Горнфельду: «...от Шмелева получил письмо, — нимало не обиженное и хоршее» [14, с. 56].

4

С этого времени «Русское богатство» начинает настойчиво ухаживать за Шмелевым как своим потенциальным автором. Горнфельд пишет Короленко 29 сентября 1912 г.:

Было бы очень хорошо, если бы результатом Вашего письма к Шмелеву было его участие в «Русск<ом> бог<атстве>»; зовут его Иван Сергеевич³².

³¹ РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 36. Ед. хр. 40. Л. 10–11.

³² РГБ. Ф. 135. Разд. 2. Карт. 21. Ед. хр. 37. Л. 7.

В декабре Ф.Д. Крюков по дороге в родные места, в станицу Глазуновскую, был в Москве, о чем сообщал А.В. Пешехонову 25 декабря 1912 г.:

Видел беллетристов — Вересаева и Шмелева, — звал их в «Р<усское> бог<атство>», обещали с готовностью. На обратном пути опять заверну к ним, посулили они мне пригласить еще Бунина³³.

И о том же в письме к Горнфельду от 31 декабря 1912 г.:

Проездом через Москву видел я Вересаева и Шмелева (не считая других членов «товарищества писателей» — не писателей). Говорил о нашем желании видеть их более деятельными сотрудниками «Р<усского> богатства». Оба обещали³⁴.

Рассказывая Горнфельду о конфликтах с А.В. Пешехоновым и В.А. Мякотиним по поводу современных беллетристов, Крюков писал 9 июля 1913 г.:

С письмом Вашим вышло так: как раз и он <Пешехонов> получил письмо от Мякотина, который пишет ему — по поводу разногласий наших вокруг Серафимовича, — что вопрос о художественной части и об отношении к *новым* писателям надо будет обсудить совместно, а точку зрения Ал<ексея> В<асильевича> на Серафимовича и — даже! — Кондурушкина (с его фонетическими вольностями в диалоге) он разделяет. Ну, прочитал мне это Ал<ексей> В<асильевич>, тогда я ему прочитал Ваше письмо ко мне. (Надеюсь, Вы не будете меня бранить за это?). Тут уж он на меня насл: «это что же значит?! заговор против редакции?!» В шутку, конечно, — но серьезная сторона наших разногласий все-таки стоит перед нами, и, хоть можно жить и так, но не каждый раз, вероятно, придется кончать ее шуткой: очень уж нас бранят за нашу беллетристику (в том числе и за меня, чуть ли не за первого), а вот беллетристику «Заветов» хвалят, и я чувствую, что там есть нечто более свежее, взять хотя бы Шмелева или Ив. Вольного (особенно досадно, что Вольный прошел мимо нас)³⁵.

³³ РГБ. Ф. 225. Карт. 3. Ед. хр. 57. Л. 5–6.

³⁴ РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 694. Л. 5.

³⁵ РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 694. Л. 11–12.

И с этого же времени журнал стал положительно оценивать творческую манеру писателя³⁶. Приведем только несколько характерных примеров:

...большое чутье меры, свойственное этому содержательному и серьезному рассказчику³⁷;

И оттого сдержанность Шмелева говорит только о его художественной честности — и тем сильнее действие этой сдержанности, чем больше чувствуется в ней подлинная сила³⁸;

С нынешней войной связаны и очерки Шмелева «На большой дороге», — но он рисует не радости, принесенные войной человеку, нашедшему в ней свое временное призвание, а безысходное горе, разлитое ею по родине. Какая-то громадная, всепоглощающая тоска нависла над этим бытовым очерком, в сущности, лишенным сюжета; с редкой выразительностью показано здесь, на какую дезорганизованную, бессознательную, сумбурную душевную почву падают тяготы войны в русской деревне. И в сущности, не знаешь, что страшнее в рассказе Шмелева: убитый ли горем мужик, только что узнавший о гибели сына и не знающий, как сообщить страшную весть жене, или общая атмосфера этой деревенской чайной, угрюмая, неподвижная, злая и беспредельно бестолковая³⁹.

Шмелев откликнулся на предложения «Русского богатства» не сразу. Однако 16 января 1915 г. он писал Горнфельду:

Счастлив высказать Вам, как дорого мне и как ободряет Ваше внимание. Счастлив работать в «Русских записках» в ряду дорогих людей. Спасибо, больше и сказать не могу.

Предлагаемый редакцией гонорар, конечно, я очень ценю, и, пожалуйста, не подумайте, что тот или иной размер гонорара мог бы явиться препятствием для меня. Хотя, конечно, буду открыве-

³⁶ См. отклики А.М. Редько (часто писал в соавторстве с женой Е.И. Редько, подписывая книжные обзоры обобщенным именем А. и Е. Редько): Русское богатство. 1912. № 4. С. 116–143; 1913. № 12. С. 376–385. А также: Б. п. <Дерман А.Б.> Ив. Шмелев. Рассказы. Т. 4. Кн-во писателей в Москве, <1913> // Русские записки. 1914. № 1, ноябрь. С. 400–401.

³⁷ Б. п. <Редько А.М.> Ив. Шмелев. Рассказы. Т. V. Кн-во писателей в Москве. 1914 // Русские записки. 1915. № 2. С. 359.

³⁸ Б. п. <Горнфельд А.Г.> Шмелев Ив. Карусель. Рассказы, т. VI. Изд-во писателей в Москве. 1916 // Русские записки. 1915. № 10. С. 347.

³⁹ Б. п. <Редько А.М.> <...> Ив. Шмелев. На большой дороге. Кн-во писателей в Москве. 1915 // Русские записки. 1915. № 12. С. 331.

нен, — иногда и гонорар, нужда заработка (я не так много пишу) заставляла отдавать работу на готовый спрос.

Только бы удался рассказ, а уж я в первую голову предложу его на Ваше тонкое и серьезное суждение. Эти дни у меня все время и все нервы берет не вовремя накатившая пьеса, отданная театру еще весной. Теперь она меня изводит. Но февраль я буду работать над рассказом, который уже *есть* в достаточно ясном виде. Надеюсь, если не помешает какая экстренность, закончить к началу марта⁴⁰.

Рассказ, о котором идет речь, назывался «Друзья» и был вскоре опубликован в журнале⁴¹. И Шмелев планировал продолжать сотрудничество, о чем писал Горнфельду 18 ноября 1915 г.:

И мое самое горячее желание — написать хорошее что-нибудь и дать «Русским» запискам». Но что поделаешь! Надо было исполнить обещание и продолжать начатое в «Северных» записках». Вот и даю «Суровые дни». В августе прошлого года еще принял я предложение этого журнала и работал с большими перерывами. Скажу откровенно, эти самые очерки куда бы приятнее для меня было давать «Русские» записки» — и по симпатиям к журналу, лицо коего ясно совершенно, и из-за вполне понятного желания, чтобы твою работу читали десятки тысяч. Но в начале войны журнальное дело испытывало много всего, положение его было очень неопределенное, положение литераторов еще более неустойчиво — какие тут рассказы! — и я охотно принял предложение «Северных» записок» — писать сколько угодно о впечатлениях на местах — отражениях войны в деревне. <...>

Пишу мало, совсем почти не пишу. <...> Война давит, не до спокойной работы, нет сладкого томленья или особенного раздраженья, когда и краски яркие, и слова из души роятся, и не чувствуешь прикованности к плывущей жизни. Другое теперь. И первое — подавленность. <...> Бросил больше года работать над большим романом — а уже больше 12 листов написано и только 1/3, — романом, который меня захватил и, думаю, удался, — так мне плохо. Теперь работаешь в смуте духа, в усталости⁴².

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 520. Л. 2–3.

⁴¹ Шмелев Ив. Друзья // Русские записки. 1915. № 3. С. 167–186.

⁴² РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 520. Л. 7–8. Речь идет о рассказе: Шмелев Ив. Суровые дни (В деревне) // Северные записки. 1914. № 8–9, 10–12; 1915. № 1, 10–12. Фрагмент из незавершенного романа «Наследники» опубликован: Шмелев Ив. В Луйском уезде // Клич. День печати: Сборник на помощь жертвам войны. М.: Т-во скоропечати А.А. Левенсон, 1915. С. 201–209. Фрагмент впервые: [17, с. 168].

К этому времени лицо Шмелева вполне определилось, и в персональной статье А.Б. Дерман писал об эволюции Шмелева-художника от ранних растянутых и несколько манерных повестей к строгому стилю, который проявился уже в повести «Человек из ресторана», где «автор как бы нашел себя, свой писательский темперамент, нашел и постарался им овладеть и усовершенствовать его», и назвал Шмелева «протестантом против нравственного зла». «У него простые люди обычно относятся к интеллигентам с глубоким недоверием и не на почве непонимания, а как раз потому, что отлично их умеют раскусить и, так сказать, разоблачить. И автор дает недвусмысленно понять, что его простые герои не заблуждаются, что они разделяют в этом вопросе мнение его самого». «Шмелев один из немногих наших писателей, удержавшийся от соблазна взглянуть на войну глазами, умиленными самоотвержением и героизмом, проявленными на фронте и в тылу. Его рассказы выдержаны в тоне глубоко серьезном, вдумчивом, в духе сознания прежде всего огромности и глубины той массовой катастрофы, которая обрушилась на людей»⁴³. Между тем в процессе подготовки статьи у автора ее возникли трения с редакцией. И Дерман писал Горнфельду 29 апреля 1916 г.:

Статью о Горьком <Дерман А. О Максиме Горьком // Русские записки. 1916. № 2> в исправленном виде принял с довольно легким сердцем, хотя к некоторым частностям и отнесся отрицательно. Например, я не люблю слова «провал», а оно дважды появляется; исчезла связь в одном месте и т. п. мелочи. Но вот не разделяю Вашего мнения о необходимости вносить изменения в статью о Шмелеве, — какие? Она ведь кратка, сжата, фактична, чего Вам еще надобно? Вот приучите меня относиться равнодушно к изменениям, а это нехорошо.

Шмелев как-то при встрече выражал огорчение, что ему «Рус<ские> зап<иски>» не посылают⁴⁴.

Мы не можем вполне определенно сказать, какие изменения были внесены в статью Дермана, но вмешательство Горнфельда очевидно (стоит вспомнить его критические суждения в письме к Короленко, написанном до 19 июня 1912 г.):

⁴³ Дерман А. И.С. Шмелев // Русские записки. 1916. № 6. С. 74–95. См. также: [Б. п.] <Редько А.М.> <...> Ив. Шмелев. Лик скрытый. М.: Кн-во писателей, 1916 // Русские записки. 1916. № 6. С. 243–247.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 297. Л. 93–94.

Перед нами типичная банальная оперная декорация, с той не то южной, не то восточной экзотикой, в какой эти темы и мотивы трактует глухая провинция. Еще фальшивее любовные объяснения Нургэт и Ганэма: «Цикадочка моя! — Нургэт спряталась в зелень и закрыла глаза. — Зачем ты называешь меня цикадочкой? — А так... Звонкая ты... Нет, ты лучше. Ты еще не знаешь, как я хочу называть тебя! Ты бабочка! Да? Иволга ты, маленькая лягушечка, которая играет в дудочку по ночам. Ты золотенькая рыбка, каких продают на набережной. Белая голубка! Твое лицо розовое, как розоватые яйца страуса... У пророка была жена, у ней было такое лицо... Ну, посмотри на меня, покажи свои глазки... Ну, покажи!»⁴⁵

Вообще вся статья Дермана производит впечатление коллективного труда: он указывает те же самые недостатки ранних произведений Шмелева, какие отмечали и Короленко, и Горнфельд в своих письмах и статьях, и отмечает, что эти недостатки Шмелев настойчиво преодолевал в последующих произведениях. Для самого Шмелева эта статья Дермана была, видимо, очень близкой и нужной. Именно с этого времени началась их переписка, и именно Дерману Шмелев адресовал письмо от 2 августа 1919 г., в котором он выразил свое понимание отношений народа и интеллигенции уже после октябрьского переворота 1917 г.:

Понимаете ли, жизнь не наладится. Таков наш народ, что хоть улицу им мети. И долго будут им мести, пока эта метла не измотается или пока метельщики не потеряют охоты. А самые страшные метельщики — убитые Богом гг. левейшие социалисты. И все же: кровь (гениальный прогноз Толстого в сказочке об Ив<ане> дур<аке>), но отчасти [1, с. 31].

Это письмо подводило итог общения Шмелева с редакцией «Русского богатства». Шмелев оставался неизменным в своем преклонении перед нравственным авторитетом Короленко. Когда Л.Н. Андреев летом 1916 г. пригласил Шмелева к участию во вновь создаваемой газете «Русская воля», Шмелев ответил резким отказом, отметив специально, что не доверяет слухам об участии в газете Короленко (что оказалось справедливо⁴⁶):

⁴⁵ Дерман А. И.С. Шмелев // Русские записки. 1916. № 6. С. 86.

⁴⁶ Короленко публично опроверг слухи о своем участии в «Русской воле»: Короленко Вл. Старые традиции и новый орган // Русские записки. 1916. № 8. С. 249–256. Следует указать, что у Андреева уже в это время начался пересмотр личности Короленко, что с наибольшей резкостью сказалось после 1917 г. [3, с. 71–114]. Уже 21 августа 1916 г. Андреев писал

Работать в Совр<еменном> мире, Русск<ом> бог<атстве>, Кив<ской> м<ысли>, Речи, в прогрессивн<ых> и честных политически органах (о Бирж<евых> вед<омостях> я вспоминаю, с горечью, ибо я не знал их) — и вдруг пойти со своими рассказчиками утешать и развлекать гг. банкометов, плутократов, хозяев, фабрикантов и их чад! Ведь даже один из «банков» выразил сомнение, будут ли читатели у этой газеты. <...>

Вы, Леонид Николаевич, как и я, не яркой какой-либо политической окраски люди, но люди с чистой душой, у нас нет пятен и штемпельков на наших обществе<нных> паспортах. И все же... А М. Горький?! Осмелились — да это подходяще — осмелились упоминать и Короленко! И Речь ставит? Это ложь! Но Горький! Я ничего не понимаю. Литература и — торговля, промышленность... Что это за проклятый футуризм, где ни формы, ни содержания, где одна бессмыслица, чтобы не сказать больше. Нет, не буду [18, с. 196–202] (ответные письма см.: [2, с. 129–141])⁴⁷.

Претензии Короленко к раннему Шмелеву могли казаться излишне строгими, мнения его выглядели пристрастными и даже политически ангажированными поздним народничеством в аранжировке народного социализма. Но спокойная статья Дермана, который был старательным учеником Короленко и многие мнения его усваивал из устных бесед во время жизни в Полтаве, показывает, что повести «Гражданин Уклеikin» и «Под небом» на самом деле не изъятые тех недостатков, которые почувствовал в них Короленко. Поэтому роль Короленко в творческом становлении Шмелева, как свидетельствуют письма его к Короленко и в «Русское богатство», оказывается принципиальной, ключевой, хотя сам Шмелев задним числом и преуменьшал эту роль, но это тем более должно актуализировать наше внимание к данной проблеме.

5

Пиететное отношение молодого Шмелева к Короленко в годы эмиграции померкло. Во второй половине 1920-х гг. Шмелев про-

Шмелеву: «В заключение два слова о Короленко — вот где особенно сказывается наша разность: Вам он кажется чуть ли не святым, а мне наоборот. Писатель, который два года молчал, молчал во время великого смятения умов и совести, в период такой войны, как настоящая, — мне не кажется человеком, исполнившим свой долг писателя и гражданина. Во мне Короленко вызывает чувство глубокого негодования» [2, с. 139].

⁴⁷ История этой газеты и реакция на приглашение участия в ней ведущих писателей (в том числе Горького, Короленко и Шмелева) изложена с разных позиций двумя авторами: [11; 18; 19]. Мы в данном случае вынуждены оставить эту полемику в стороне.

водит ревизию своих прежних взглядов, и переоценке подвергается прежде всего то, что ранее он выше всего ценил. Один из самых первых примеров этого мы находим в рассказе «Два Ивана (История)» (1924), где Шмелев вспоминает стихотворение в прозе Короленко «Огоньки» (1900), которое заканчивается на жизнеутверждающей ноте:

Мне часто вспоминается теперь и эта темная река, затененная скалистыми горами, и этот живой огонек. Много огней и раньше и после манили не одного меня своею близостью. Но жизнь течет все в тех же угрюмых берегах, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...

Но все-таки... все-таки впереди — огни!.. [8, т. 1, с. 379]

Герой Шмелева — школьный учитель Иван Степанович, который с молодых лет принял этот оптимизм Короленко на веру:

Он был тихого нрава, с доброй народнической закваской. На книжной полочке у него стояли Короленко и Глеб Успенский, висели в рамочке Некрасов и Златовратский. Он читал «Русские ведомости», — раз даже напечатали там его заметку о хрестоматии для татар, — и, выпив на именинах стаканчик красного, с чувством подтягивал, пощипывая бородку: «Выдь на Волгу... Чей стон раздастся?..» А когда шел ночью домой и глядел на звезды, в нем кипели горячие чувства к народу и человечеству. Вспышки далекого маяка за кипящим морем вызывали любимое:

«А все-таки впереди... огни!»

В это он свято верил [22, т. 2, с. 37].

Иван Степанович служил на фронте Первой мировой вместе со своим земляком извозчиком Иваном.

Он говорил о величайшей трудности первых шагов, об ужасном наследстве — темноте народа, и закончил до слез задрожавшим голосом: «И хоть темно еще, и не для всех еще видима дорога в прекрасное будущее, но все-таки... впереди... огни!» [22, т. 2, с. 42]

После февральской революции извозчик Иван разбогател, но когда большевики установили свои порядки, извозчик снова обнищал и попрекал школьного учителя:

Огни сулил?! Думаешь, беспонятные? Все поспалили, дармоеды... Про звезду твою, думаешь, не понимал... чего ты думал?! Увидали теперь... на шапках! Куда гнул-то... Думаю, какую такую звезду занадобилось? Вот она-а!.. [22, т. 2, с. 49]

И в предсмертном бреду Иван Степанович вспоминает старое:

...в помутившейся голове сверкнуло давно забытое:

...а все-таки... впереди... огни!..

Скакнуло на заплетающийся язык, и, выворачивая его из клея, сияясь увидеть из-под тяжелых век, вглядываясь в душившую ветром темень, Иван Степанович выговорил с усмешкой, чему-то радуясь:

— А все-таки... впереди... о... гни!.. [22, т. 2, с. 50]

В рассказе «Панорама» (1928) Шмелев описывает голод в Крыму после захвата его большевиками и приводит воспоминания старого интеллигента о работе на голоде в 1880-е гг.:

Сейчас бы организовать питательные пункты, развить широкую пропаганду, будить общество, бить в набат! Помню, со Львом Николаевичем, с Владимиром Галактионычем... как мы работали! как горели святым огнем! в нас билось всемировое сердце. А теперь *чем* жить?! [22, т. 7 (доп.), с. 277]

Современная дееспособность интеллигентов поставлена под сомнение, а заодно подвергаются скептической перепроверке и бывшие интеллигентские идеалы. И герой незаконченного романа «Солдаты» (1928–1929) говорит:

Твои «интеллигенты» слишком... узки и близоруки! — с раздражением сказал он. — Я прекрасно знаю, как смотрят на нас твои «интеллигенты»! И умнейшие из них даже, вон Короленко даже. Вылито много грязи на нас, на армию! Пусть Короленко на своих внимательней посмотрит, какие фрукты встречаются. Эти «фрукты» везде встречаются, в каждом классе... С 905-го нас особенно поливают грязью за то, что... спасли Россию от их экспериментов! Да, мы. Я был в Сибири, был потом и в Прибалтике, с Меллер-Закомельским, видал и умирал. Вон у меня, томский «трофей» висит, и им и рука прострелена... Не хотят понять твои интеллигенты, что мы — те же русские люди, только особой складки, да, особой! Я

говорю не об «отбывающих»... этих господ универсантов повидал, как они «отбывают»... и в прапорщики готовил. Воображают, что это — принудительная и глупая игра, и надо скорей «отбыть»... Забывают, что мы для страшного дня, для отдачи себя за... все! Ты сильно ошибаешься, Люси... У нас много идеалистов, романтиков... удивительные есть люди, каких не найдешь среди и твоих «интеллигентов». Молодые особенно. Да, наша жизнь груба... и тем удивительнее, что есть, и много. Все наше, военщина-то, как зовут нас презрительно, — меднолобыми нас зовут, «скалозубами», «пришибевыми» разными... это же вне жизни! Жизнь — норма, а мы — вне нормы, около жизни где-то... около смерти мы [22, т. 6 (доп.), с. 311–312].

Для нас сейчас не важны конкретные социальные и политические мотивы и результаты этой ревизии. Для нас гораздо важнее, что эта ревизия теснейшим образом связана с «Русским богатством», столь авторитетном для Шмелева до 1917 г.⁴⁸

Это разочарование в историческом оптимизме, символом которого стал Короленко, через много лет приводит Шмелева к письму к И.А. Ильину от 11 ноября 1946 г.:

Не отстану: пишите о себе. Это не для Вас, а для всех прочих. Эти должны знать, как складываются такие люди, ими же жизнь стоит. Это В<аш> долг. Это уже — путь. Это — в научение. Не отмахивайтесь. Молю. У Вас выйдет не скучноватое суконце, к<а>к у Короленки — «История моего современника», хоть и там многое не без пользы. Но «калибры»-то слишк<ом> разные. Нужен — русский человек, мыслитель, учитель, тво-ри-тель... а не «общественник»: известно, как «рождается» общественник: «благих намерений» — 80 грамм, «самоуважения» — 18 гр., «любви» — можно и обойтись без оной, «честолюбия» — квантум сатис и растворить в розовой водице, добавив, елико можно, «непримиримости» и «у нас все скверно». Есть и другой рецепт, терпче [5, с. 492].

⁴⁸ Мы вынуждены оставить за пределами анализа многочисленные упоминания в рамках этой ревизии личности и наследия Н.К. Михайловского прежде всего потому, что Шмелев не упоминает его рядом с «Русским богатством» (хотя, разумеется, знает о его роли в этом журнале). Мы только перечислим некоторые наиболее знаменательные упоминания: письма к И.А. Ильину от 7 августа 1927 г., 4 марта 1935 г., 5 декабря 1939 г., 20 декабря 1945 г., 14 октября 1947 г. [5, с. 25–27, 47, 195, 285, 373]; «Чертов балаган» [22, т. 2, с. 113–114], материалы к роману «Пути небесные» [22, т. 5, с. 462–463], «Солдаты», «Журавли» [22, т. 6 (доп.), с. 311–312, 490–491], «У дьявола на пире», «Железный дед», «Туман», «Панорама» [22, т. 7 (доп.), с. 254–256, 266–267, 272–276, 458–461], «Березовая роща» [22, т. 8 (доп.), с. 515].

Однако вся эта ревизия вопроса о политико-юридической ответственности писателя за сказанное им свободное слово может быть обращена и в адрес самого Шмелева: как по причине подозрений его в коллаборационизме, так и по причине его сотрудничества с большевиками. В данной работе об этом можно было бы и не упоминать, если бы 16 октября 1917 г. Шмелев не написал Короленко нижеследующее письмо по поручению «Книгоиздательства писателей в Москве». Издательством этим заведовал видный большевик, член РСДРП(б), литератор Николай Семенович Клестов (псевдоним Ангарский; 1873–1941), который создал его в 1912 г. вместе с В.В. Вересаевым, Н.С. Телешовым, И.А. Буниным, С.А. Серафимовичем и заведовал им до 1919 г. После Февральской революции Ангарский был также членом Московского комитета РСДРП(б), исполкома Моссовета, заведующим отделом печати.

16 октября дня 1917 г.

Глубокоуважаемый Владимир Галактионович

По поручению товарищей, крайне приятному для меня, отвечаю на Ваше письмо от 7 октября. Ник. Сем. Клестов, г. Коньков *распространение своих изданий не ограничивает только районом ю<го>-з<ападного> фронта: книги его продаются и в Москве, и в Петербурге. Нет твердых оснований, конечно, утверждать, что цель изд<ательств>ва не чужда и коммерческого характера, но Ник<олай> Сем<енович> по некоторым соображениям держится взгляда, что тут предпринимательский расчет есть. Эти соображения (Коньков имеет намерение издавать «дешевые» издания наших сочленов и тоже только для ю<го>-з<ападного> фронта!), а главным образом Ваше любезное согласие предоставить книгоиздательству решить вопрос, давать ли Конькову разрешение на издание «Судного дня» — развязали нам руки. Книгоиздательство считает более целесообразным и в своих интересах, и в интересах Ваших отклонить предложение Конькова. Нет гарантий, что не будет припечаток, что книга пойдет только на фронт, просветительная цель будет достигнута и нашим изд<ательств>вом: фронтовая связь у нас есть и наши издания, особ<енно> «дешевые» издания и через З-С, и через кооперативы. Заказы поступают на десятки тыс<яч> экз<емпляров>. Итак, позвольте считать этот вопрос выясненным. Книгоиздательство уверено, что книга Ваша на фронт пойдет в самом ближайшем времени, и не только на фронт, пойдет вглубь. Заканчивается набор. «Слепой музыкант» выходит, отпечатан изящно, насколько позволяют условия времени. Цена 2,50. Что-то*

невероятное в типографии. Один набор теперь 6 р. за 1000 знаков, вместо былого 35–40 коп. Старались издавать как можно доступнее. Авторский гонорар 20–25 %. *«Война, отечество и человечество» на днях выйдет — уже сверстана и опубликована.* Два № дешевой библиотеки уже идут и скоро их не будет, напрягаем все силы, дорогой Владимир Галактионович, чтобы бороться с тяжкими условиями. Задача наша обслуживать хорошей и недорогой книгой читателя и соблюдать интересы автора. Спасибо Вам за дорогое для нас внимание. С Вами в каталоге, с Вами в единении наша работа крепче и светлей. Будем надеяться, что и распродающиеся *Ваши-томные-сочинения* Вы не откажете передать на издание нам. Отчеты будут высланы незамедлительно, в установленные в издательстве сроки: к 1-м числам ноября, февраля, мая, августа денежными переводами. Дело, слава Богу, крепнет и крепнет. Требуется настоятельно приобрести новые машины. Ищем. Деньги все ухлопываются в книги, бумагу. Увеличиваем основной капитал. Были бы счастливы и Вас, как участника — вкладчика видеть в своем содружестве. Очень просим, если готовите к печати культурно-просветительный очерк, не откажите уведомить, чтобы мы могли, если разрешите, заблаговременно издать в огромном количестве. *Позвольте пожелать Вам здоровья и благотворной работы.*

Крепко Вас почитающий Ив. Шмелев⁴⁹.

Так что если Шмелев считал Короленко политико-юридически ответственным за последствия октябрьского переворота 1917 г., то и сам он был ответствен за это. А с Н.С. Ангарским (Клестовым) Короленко также состоял в переписке по поводу издания разных книг в 1913–1917 гг., причем 7 октября 1917 г. речь шла именно об этом предложении В.П. Конькова от лица Земсоюза (Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, состоящий под покровительством ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Федоровны, хотя после Февральской революции он работал уже под ведомством Временного правительства) [12, с. 182–183]. Короленко отвечал, что предлагаемая к изданию книга «Судный день» («Иом-Кипур») уже издана М.А. Коломенкиной [12, с. 197]⁵⁰, но не возражал против издания брошюры «Война, отечество и че-

⁴⁹ ОР РГБ. Ф. 135/II. К. 38. Ед. хр. 123. 1 л. Письмо написано на фирменном бланке Товарищества «Книгоиздательство в Москве». Над текстом помета Короленко синим карандашом — «Шмелев». Курсивом выделены подчеркивания адресата тем же карандашом.

⁵⁰ Там же. С. 197. Очевидно, именно В.П. Коньков имеется в виду и в телеграммах, подписанных Доньков [10, с. 126, 374].

ловечество», однако книга была издана Всероссийским центральным союзом потребительских обществ [6].

Впрочем, обстоятельный анализ оценок Короленко, «Русского богатства» и вообще наследия «общественников», которые мы находим в сочинениях и документах Шмелева после 1919 г., не входит в нашу задачу. Этот материал мог бы составить предмет специального исследования, но нам он помогает понять реальную историю публикации произведений Шмелева в «Русском богатстве» и ее отражение в его воспоминаниях.

Литература

1. «Для гения нужна особая свобода»: Письма И.С. Шмелева А.Б. Дерману / предисловие, примечания Е.А. Осьминой // Литературное обозрение. 1997. № 4. С. 19–42.
2. Вильчинский В.П. Л. Андреев и И. Шмелев // Русская литература. 1971. № 4. С. 129–141.
3. Геворкян А.В., Строганов М.В. Леонид Андреев и журнал «Русское богатство». К проблеме массовой культуры // Культура и текст. 2025. № 1 (60). С. 71–114.
4. И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: в 2 т. / подгот. текста и коммент. А.А. Голубковой, О.В. Лексиной, С.А. Мартыановой, Л.В. Хачатурян. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
5. Ильин И.А. Собр. соч.: переписка двух Иванов (1947–1950) / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы; расшифр. и текстол. подгот. писем И.С. Шмелева; имен. указ. О.В. Лисицы. М.: Русская книга, 2000. 528 с.
6. Короленко В.Г. Война, отечество и человечество: Письма о вопросах нашего времени. М.: Изд-во Всерос. центр. союза потреб. о-ва, 1917. 30 с.
7. Короленко В.Г. Избранные письма: в 3 т. / под ред. и с примеч. Н.В. Короленко и А.Л. Кривинской. М.: Худож. лит., 1936. Т. 3: Литературная и редакторская работа (1886–1920). 285 с.
8. Короленко В.Г. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1954.
9. Литературное наследство. Т. 107: Журнал «Русское богатство» Н.К. Михайловского. Из переписки членов редакции, авторов и современников. 1890–1903. В 2 кн.: 1890–1899. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Кн. 1. 680 с.
10. Литературное наследство. Т. 109: Журнал «Русское богатство». 1892–1918. Указатели: содержание, авторы, книжные издания. М.: ИМЛИ РАН, 2025. 1200 с.
11. Оксман Ю. «Русская воля», банки и буржуазная литература // Литературное наследство. М.: Жур.-газ. объединение, 1932. Т. 2. С. 165–185.
12. Описание писем В.Г. Короленко / сост. В. М. Федорова. М.: Изд-во ГБЛ, 1961. 659 с.
13. Островская С.Д. Проблемы национального и общечеловеческого в переписке М. Горького и И.С. Шмелева // Наследие И.С. Шмелева: проблемы изучения

и издания: сб. мат. междунар. научн. конф. 2003 и 2005 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 238–246.

14. Письма В.Г. Короленко к А.Г. Горнфельду / с предисл. А.Г. Горнфельда // Л.: «Сеятель» Е.В. Высоцкого, 1924. 214 с.

15. Подъячев С.П. Моя жизнь. М.: Сов. литература, 1934. 367 с.

16. Спиридонова Л. Художественный мир И.С. Шмелева. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 240 с.

17. Черников А.П. Повесть И.С. Шмелева «Под небом». К проблеме народного характера в творчестве писателя // Проблемы истории русской литературы. Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ин-та, 1973. С. 76–93.

18. Шишкина Л.И. Леонид Андреев и «Русская Воля». Ч. 1. Первая мировая война в публицистике Л. Андреева // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2019. Вып. 1 (9). С. 109–123.

19. Шишкина Л.И. Человек на войне. Леонид Андреев о книге И. Шмелева «Суровые дни» и картине К. Петрова-Водкина «На линии» // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 12. С. 141–152.

20. Шмелев Иван. Служители правды: Повесть. М.: Изд-во журн. «Юная Россия» и «Пед. листок», 1906. 195 с. (Серия «Библиотека для семьи и школы»)

21. Шмелев И.С. Письмо к Леониду Андрееву / публ. В.П. Вильчинского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дом на 1975 год. Л.: Наука, 1977. С. 196–202.

22. Шмелев И.С. Собр. соч.: в 5 т. М.: ТЕРРА, Книжный клуб Книгобек, 2015.

Research Article and Publication of Archival Documents

Ivan Shmelyov and the Magazine “Russian Wealth”

© 2026. Armen V. Gevorgyan, Mikhail V. Stroganov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: This article reconstructs Iv. Shmelyov’s relationship with V.G. Korolenko and the magazine *Russian Wealth* (“Russkoye Bogatstvo”): from a rather cool attitude toward the writer’s literary talent to positive assessments of his works and the publication of Shmelyov’s works in the magazine in the 1910s. The reception of his work is reflected in Korolenko’s correspondence with A.G. Gornfeld and letters from editorial board members and staff of “Russkoye Bogatstvo” (S.P. Podyahev, A.V. Peshekhonov, F.D. Kryukov, A.B. Derman, and others), which remain in the archives to this day. The publication history of the story “Under the Sky” in “Russkoye Bogatstvo” is covered in detail. For the first time, Shmelyov’s epistolary legacy is published, either in abridged or in full, including his letters to Korolenko, Gornfeld, and Derman. Shmelyov’s reverence for Korolenko’s moral

authority underwent significant changes during his years of exile; this ideological transformation is revealed through an analysis of the writer's works written in exile.

Keywords: V.G. Korolenko, Iv. Shmelyov, S.P. Podyachev, A.V. Peshekhonov, A.B. Derman, “Russkoye Bogatstvo” (*Russian Wealth*), “Under the Sky,” literary reputation.

Information about the authors: Armen V. Gevorkyan, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2658-4580>

E-mail: armenvar@mail.ru

Mikhail V. Stroganov, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7618-7436>

E-mail: mvstroganov@gmail.com

For citation: Gevorkyan, A.V., Stroganov, M.V. “Ivan Shmelev and the Magazine ‘Russian Wealth’.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 170–211. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-170-211>

References

1. “‘Dlia geniia nuzhna osobaia svoboda’: Pis’mma I.S. Shmeleva A.B. Dermanu / predislavie, primechaniiia E.A. Os’mninoini [“‘A Genius Needs a Special Kind of Freedom’: Letters from I.S. Shmelev to A.B. Derman / Preface, Notes by E.A. Osminina”]. *Literaturnoe obozrenie*, no. 4, 1997, p. 19–42. (In Russ.)
2. Vil’chinskii, V.P. “L. Andreev i I. Shmelev” [“L. Andreev and I. Shmelyov”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 1971, p. 129–141 (In Russ.)
3. Gevorgyan, A.V., Stroganov, M.V. “Leonid Andreev i zhurnal ‘Russkoe bogatstvo’. K probleme massovoi kul’tury” [“Leonid Andreev and the Magazine ‘Russkoe bogatstvo’. On the Problem of Mass Culture”]. *Kul’tura i tekst*, no. 1 (60), 2025, pp. 71–114. (In Russ.)
4. I.S. Shmelev i O.A. Bredius-Subbotina: *Roman v pis’makh: v 2 t. [I.S. Shmelyov and O.A. Bredius-Subbotina: A Novel in Letters: in 2 vols.]*, text prep. and comm. A.A. Golubkova, O.V. Leksina, S.A. Mart’ianova, L.V. Khachatryan. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2004. (In Russ.)
5. Il’in, I.A. *Sobranie sochinenii: Perepiska dvukh Ivanov (1947–1950): v 3 t. [Collected Works: Correspondence of Two Ivans (1947–1950): in 3 vols.]*, comp. and comm. Iu.T. Lisitsa; decod. and text. prep. of letters I.S. Shmelyov; the nominal index O.V. Lisitsa. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2000. 528 p. (In Russ.)
6. Korolenko, V.G. *Voina, otechestvo i chelovechestvo: Pis’mma o voprosakh nashego vremeni [War, Fatherland and Humanity: Letters on Issues of Our Time]*. Moscow, All-Russian Central Union of Consumer Societies Publ., 1917. 30 p.
7. Korolenko, V.G. *Izbrannye pis’mma: v 3 t. [Selected Letters: in 3 vols.]*, vol. 3: *Literaturnaia i redaktorskaia rabota (1886–1920) [Literary and Editorial Work (1886–1920)]*, ed. and ref. N.V. Korolenko, A.L. Krivinskaiia. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1936. 285 p. (In Russ.)
8. Korolenko, V.G. *Sobranie sochinenii: v 10 t. [Collected Works: in 10 vols.]*. Moscow, Goslitizdat Publ., 1954. (In Russ.)

9. *Literaturnoe nasledstvo. T. 107: Zhurnal "Russkoe bogatstvo"* N.K. Mikhailovskogo. *Iz perepiski chlenov redaktsii, avtorov i sovremennikov. 1890–1903. V 2 kn.: 1890–1899* [Literary Heritage. Vol. 107: N.K. Mikhailovsky's Magazine "Russian Wealth." From the Correspondence of Editorial Board Members, Authors, and Contemporaries. 1890–1903. In 2 books: 1890–1899], book 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2022. 680 p. (In Russ.)

10. *Literaturnoe nasledstvo. T. 109: Zhurnal "Russkoe bogatstvo."* 1892–1918. *Ukazateli: sodержanie, avtory, knizhnye izdaniia* [Literary Heritage. Vol. 109: "Russkoye Bogatstvo" Magazine. 1892–1918. Indexes: Contents, Authors, Book Publications]. Moscow, IWL RAS Publ., 2025. 1200 p. (In Russ.).

11. Oksman, Iu. "“Russkaia volia”, banki i burzhuaiznaia literatura" ["“Russian Will”, Banks and Bourgeois Literature"]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 2. Moscow, Periodical and Newspaper Association Publ., 1932, pp. 165–185. (In Russ.)

12. *Opisanie pisem V.G. Korolenko* [Description of Letters by V.G. Korolenko], comp. V.M. Fedorova. Moscow, GBL Publ., 1961. 659 p. (In Russ.)

13. Ostrovskaya, S.D. "Problemy natsional'nogo i obshchechelovecheskogo v perepiske M. Gor'kogo i I.S. Shmeleva" ["Problems of the National and Universal in the Correspondence of M. Gorky and I.S. Shmelyov"]. *Nasledie I.S. Shmeleva: problemy izucheniia i izdaniia: Sbornik materialov mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii 2003 i 2005 gg.* [Legacy of I.S. Shmelev: Problems of Study and Publication: Collection of Materials International Scientific Conference. 2003 and 2005]. Moscow, IWL RAS Publ., 2007, pp. 238–246. (In Russ.)

14. *Pis'ma V.G. Korolenko k A.G. Gornfel'du* [Letters from V.G. Korolenko to A.G. Gornfeld], introd. A.G. Gornfel'da. Leningrad, "Seiatel'" E.V. Vysotskogo Publ., 1924. 214 p. (In Russ.)

15. Pod'iachev, S.P. *Moia zhizn'* [My Life]. Moscow, Sovetskaia literatura Publ., 1934. 367 p. (In Russ.)

16. Spiridonova, L. *Khudozhestvennyi mir I.S. Shmeleva* [The Artistic World of I.S. Shmelyov]. Moscow, IWL RAS Publ., 2014. 240 p. (In Russ.)

17. Chernikov, A.P. "Povest' I.S. Shmeleva 'Pod nebom'. K probleme narodnogo kharaktera v tvorchestve pisatel'ia" ["I.S. Shmelyov's Story 'Under the Sky'. On the Problem of Folk Character in the Writer's Work"]. *Problemy istorii russkoi literatury* [Problems of the History of Russian Literature]. Tula, Tula State Pedagogical Institute Publ., 1973, pp. 76–93. (In Russ.)

18. Shishkina, L.I. "Leonid Andreev i 'Russkaia Volia'. Ch. 1. Pervaia mirovaia voina v publitsistike L. Andreeva" ["Leonid Andreev and 'Russian Will'. Part 1. The First World War in L. Andreev's Journalism"]. *Vestnik Syktyvskarskogo universiteta. Seriiia humanitarnykh nauk*, vol. 1 (9), 2019, pp. 109–123. (In Russ.)

19. Shishkina, L.I. "Chelovek na voine. Leonid Andreev o knige I. Shmeleva 'Surovye dni' i kartine K. Petrova-Vodkina 'Na linii'" ["Man at War. Leonid Andreev on I. Shmelyov's 'Harsh Days' and K. Petrov-Vodkin's 'On the Line'"]. *Vestnik Syktyvskarskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia humanitarnykh nauk*, no. 12, 2023, pp. 141–152. (In Russ.)

20. Shmelev, Ivan. *Sluzhiteli pravdy: Povest'* [Servants of Truth: A Story]. Moscow, "Iunaia Rossiia" i "Ped. Listok" Publ., 1906. 195 p. (Seriiia "Biblioteka dlia semi i shkoly" ["Library for Family and School"]) (In Russ.)

21. Shmelev, I.S. “Pis'mo k Leonidu Andreevu / Publikatsiia V.P. Vil'chinskogo” [“Letter to Leonid Andreev / V.P. Vilchinsky Publ.”]. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo dom na 1975 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1975]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 196–202. (In Russ.)

22. Shmelev, I.S. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Collected Works: in 5 vols.]. Moscow, TERRA, Knizhnyi klub Knigovek Publ., 2015. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 21.01.2026
Одобрена после рецензирования: 10.03.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 21.01.2026
Approved after reviewing: 10.03.2026
Date of publication: 25.06.2026